

ФРАНЦУЗСКИЙ ПАРАДОКС: ИСЛАМ И ЛАИЦИЗМ

Джона Толана

Статья (Tolan, John. "A French Paradox?: Islam and Laïcité."

Georgetown Journal of International Affairs,

vol. 18 no. 2, 2017, p. 41-50. Project MUSE, <https://dx.doi.org/10.1353/gia.2017.0019>.)

П. Нормурадовой

Перевод с английского, Студентка 2-курса Академического лица

“International House –Tashkent”

parivshoke@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-5388-0723>

Совместим ли Ислам с лаицизмом, являющимся одной из разновидностей секуляризма во Франции? И напротив, позволяет ли лаицизм свободному вероисповеданию мусульман в рамках нейтрального режима, или же это всего лишь кодовое слово, маскирующее исламофобию? Если бы я сформулировал эти вопросы в духе манихейского мировоззрения, то именно такие формулировки часто звучат во французском политическом дискурсе, в СМИ (как французских, так и зарубежных) и в других источниках. К счастью, более тонкие подходы к этим вопросам также существуют: лаицизм стал предметом активных исследований среди учёных — как французских, так и иностранных — в таких областях, как социология, история и политология. Было опубликовано множество статей и книг политиками, военными и религиозными деятелями (большинство из них, конечно, полемичны, но некоторые заслуживают внимания).

Introduction

Главная цель этой короткой статьи заключается не в попытке внести новый концептуальный вклад в данную тему или отдать должное многочисленным исследованиям в этой области, а скорее в рассмотрении того, как лаицизм развивался и эволюционировал во французском обществе, а также в его отношении к религии (в особенности к исламу).

Невозможно понять нынешнее отношение французов к религии в целом и к исламу в частности без представления о том, как лаицизм сформировался в результате внутренних трудностей Франции и её завоевания территорий, среди населения которых доминировала исламская религия. Часто говорят, что закон 1905 года о разделении церкви и государства представляет собой зарождение французского лаицизма. Несмотря на то, что этот термин не был упомянут в самом законе, по сути, концепция лаицизма возникала постепенно — из конфликтов XIX века — и продолжала развиваться после 1905 года. Более того, французы и сегодня, как и в прошлом, расходятся во мнениях относительно значения лаицизма: строгая нейтральность властей в религиозном

вопросе? Вмешательство государства в религиозные дела с целью защиты граждан от церкви? Оппозиция открытой религиозной манифестации в публичной сфере?

Аналогичным образом, во Франции нет единого мусульманского сообщества. Оценка численности мусульман, проживающих во Франции, варьируется от 2 до 6 миллионов в зависимости от метода определения мусульманина и его учёта. Кроме того, термины, с помощью которых мусульмане себя идентифицируют, также значительно различаются.

Революция и империализм: две кузницы французского лаицизма — от Французской до Алжирской революции

Лаицизм — это продукт двух контрастирующих, но во многом взаимодействующих явлений: революции внутри страны и завоевания заморских территорий. И США, и Франция «родились» благодаря революциям XVIII века, провозгласившим универсальные устремления. Оба государства стремились гарантировать право на свободное вероисповедание для каждого. Однако ситуация в этих странах развивалась по-разному.

Во Франции революция была направлена на ограничение (а для некоторых радикальных революционеров — и полное упразднение) привилегий богатой и влиятельной католической церкви. Таким образом, французский парламент определил религиозную свободу в индивидуальных терминах. В августе 1789 года была принята Декларация прав человека и гражданина, согласно которой «никто не должен подвергаться преследованиям за свои убеждения, в том числе религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом».

В парламентских дебатах, приведших к эмансипации французских евреев в 1791 году, Станислас Клермон-Тоннер утверждал: «Мы должны предоставить евреям всё как личностям и ничего как нации». Право евреев и христиан на свободное исповедание своей религии подразумевало ограничение для институтов, представлявших их общины. По всей Франции происходили нападения на церкви, многие из которых были преобразованы в храмы «Культа Разума», а священнослужители были вынуждены — зачастую под угрозой ссылки или казни — присягнуть на верность Государственному строю.

Американский секуляризм, напротив, основан на недоверии к возможному вмешательству государства в частные или коллективные религиозные дела и стремится предотвратить такое вмешательство путём разделения церкви и государства. Во Франции же государство рассматривается как инструмент защиты граждан от влияния церкви, и Laïcité постоянно колеблется между ограничениями для католической церкви и компромиссами или уступками в отношении религиозных институтов.

Наполеон, колониальная политика и ислам

Наполеон Бонапарт стал одним из главных архитекторов таких компромиссов, и его первая уступка республиканскому принципу касалась не французского католического духовенства, а египетских улемов. После победы над мамлюками в 1798 году Наполеон превратил религиозную элиту Каира в административных агентов местного уровня.

Историк Хуан Коул иронично замечает: «Французские якобинцы, захватившие Нотр-Дам для празднования культа Разума и подчинившие Ватикан, теперь создавали в Египте первую современную исламскую республику».

В течении XIX века Франция расширяла свою колониальную империю, устанавливая контроль над территориями в Африке, на Ближнем Востоке и в Индокитае. В этих регионах французские власти сталкивались с многоэтничным и многоконфессиональным населением. В то время как во Франции *Laïcité* становилась всё более жёсткой, в колониях она уступала место прагматичной политике. Французские власти нередко использовали этнические и религиозные разногласия в своих интересах, делая ставку на определённые группы (например, маронитов в Ливане, кабилы и евреев в Алжире) как на союзников колониального режима.

Политика в отношении ислама и его последователей была неоднозначной: с одной стороны, власти опасались, что ислам может стать центром сопротивления, с другой — стремились подчинить и контролировать мусульманскую религиозную иерархию. Это особенно заметно в истории Алжира, где французское правление (1848–1962) способствовало превращению ислама во вторую по значимости религию во Франции. В последующих десятилетиях, правительство превратило многих алжирских муфтиев в своих работников, точно так же, как и еврейское, католическое и протестантское духовенство в метрополии: в 1905 году было насчитано более 400 алжирских муфтиев, имамов и других религиозных деятелей в списке государственных служащих. В то же время, правительство проводило наблюдение за паломничеством в Мекку и пыталось установить над ним контроль, чтобы показать своим мусульманским подданным, что оно дружелюбно относится к исламу и учитывает их религиозные потребности, так и для того, чтобы попытаться ограничить потенциальные опасности, связанные с паломничеством; распространение двух 'бедствий' — арабского национализма и политического ислама. Губернатор Марокко Юбер Лиоте особенно стремился продвинуть фигуру марокканского халифа как верховного главы «французского» ислама в Северной и Западной Африке, фактически создавая своего рода «мусульманского папу», оставив возможность правления государственными делами французам.

Несмотря на то, что в 1848 году Алжир уже был неотъемлемой частью Франции, не все алжирцы были французскими гражданами. Поселенцы французского и европейского происхождения имели право голосовать, и в 1870 году, декрет «Кремьё» гарантировал получение гражданства Алжирским евреям; его автор, Адольф Кремьё был основателем Всемирного еврейского союза и поощрял образование алжирских евреев на французском, и также же стремился к их ассимиляции во французском обществе. Для алжирских мусульман, напротив, индигенат закрепил их отдельный и низший юридический статус. Они могли подать на получение гражданства, но их заявки очень редко рассматривались и принимались.

В 1880х, конфликт между «двумя Франциями» развернулся главным образом в сфере образования, которая традиционно находилась под влиянием Церкви. В 1881 и 1882 годах законы установили бесплатное и обязательное государственное школьное образование по всей Франции. Развод стал легальным. Законы, принятые в период с 1880

по 1903, привели к изгнанию множества религиозных общин, игравших большую роль в начальном и среднем образовании, где зачастую царила враждебность по отношению к светскому обучению. Некоторые из этих священнослужителей остались в Европе, но большинство мигрировало в Алжир и другие колонии. Несмотря на то, что они провоцировали враждебное отношение мусульман и колониальной администрации, они стали ключевыми фигурами в системе образования, и к тому же колониальная администрация испытывала острый нехваток кадров и бюджета для служащих и ведению деятельности школ по всему Алжиру. «Антиклерикализм, – заявил премьер-министр Леон Гамбетта, – не предназначен для экспорта». К примеру, в Сенегале 1880-х годов семья Дэвес, метисов-торговцев, оказавшись под угрозой со стороны новой администрации, развернула антиклерикальную кампанию, заимствуя риторику метропольного республиканского радикализма и подрывая основы Католической церкви в Сенегале.

В метрополе, временами конфликты приобретал насильственный и жестокий характер. Закон 1905 года стремился к мирному решению, который мог бы удовлетворить как католиков, так и республиканцев. Он гарантировал свободу совести, право свободного вероисповедания, и политику, согласно которой, «республика не признаёт, не финансирует и не субсидирует никакой культ,» с явным исключением для капелланов в школах, богадельнях, армиях и тюрьмах. Однако на практике закон предусматривал государственный контроль над религиозными учреждениями и государственное финансирование содержания церковных зданий, построенных до (но не после) 1905 года. В сенате были оживленные дебаты о надобности и степени влияния разделения церкви от государства на Алжир и другие колонии. Сенатор Эжен Браже де Ла Виль-Муазан утверждал, что священнослужители были важными фигурами и союзниками в цивилизаторской миссии колониального правительства и заслуживали полной поддержки с их стороны. Более того, он и другие утверждали, что коренные жители не поймут новый закон, поэтому было важно сохранить контроль над мечетями и медресе, а значит, продолжать выплачивать жалование мусульманским религиозным чиновникам за счёт государства. Хотя теоретически закон распространялся и на Алжир, на практике допускались исключения в такой степени, что статус-кво, существовавший до 1905 года, практически не изменился. Алжир и колонии были не единственными французскими территориями, освобождёнными от закона о разделении Церкви и Государства. Эльзас и Мозель, возвращённые Франции в 1918 году после немецкой аннексии 1870 года, также не попадали под действие закона 1905 года. Сегодня там действует конкордатная система, установленная Бонапартом: священнослужители четырёх религиозных общин, признанных Наполеоном, получают зарплату от государства, а епископы назначаются декретом президента Республики. Это делает Франции единственной страной в мире, где католические епископы до сих пор назначаются главой государств. Ислам, не входящий ни одну из четырех признанных Наполеоном общин, не обладает таким же статусом, хотя некоторые эльзасские религиозные и политические деятели предлагали включить его в качестве пятой признанной общины. Таким образом, мусульманские религиозные деятели не получают зарплату от государства, хотя мусульманские общины могут

получать государственное финансирование на строительство мечетей, что теоретически запрещено в остальной части Франции.

Хотя закон 1905 года запрещает финансирование строительства религиозных сооружений, власти находили способ обойти запрет; Например, Парижская мечеть была построена в 1926 году в качестве мемориала мусульманским солдатам, воевавшим за Францию в Первой мировой войне и была задумана как культурный и религиозный центр, служа демонстрацией французского ислама. Мечеть, спроектированная и профинансированная коалицией французской метрополией, колониальной администрацией, видными мусульманскими и общественными лидерами северной Африки, была построена в классическом марокканском стиле и сочетает место для поклонения с удобствами для туристов; её открыл сам марокканский халиф. Сообщение, адресованное французским метропольным и колониальным мусульманам, посещающим высокопоставленным лицам и широкой французской общественности, заключалось в том, что Франция дружелюбно настроена к исламу и что ислам совместим с французскими ценностями. Однако мечеть и её ректор также были задуманы как ключевые элементы для регулирования и контроля французского ислама, с целью наблюдения за и ограничения сопротивления французскому правлению в Северной Африке. Начиная с 1930-х годов, французское государство создало специальные учреждения, предназначенные для удовлетворения нужд мусульман, проживающих в метрополитанской Франции: больницы, мечети и программы социального обслуживания. Эти политики преследовали двойную цель: уважать специфические потребности и желания французских мусульман (как их воспринимали администраторы) и контролировать растущее, в основном рабочее, иммигрантское сообщество. Парадоксально, что в стране, которая гордится своей моделью интеграции иммигрантов, многие из этих политик фактически способствовали сегрегации мусульман от других французских граждан и немусульманских иммигрантов, вынуждая их пользоваться «мусульманскими» услугами, даже если они предпочитали обращаться к стандартным французским сервисам.

Алжирская война за независимость (1954-1962) занимает важное место в любом обсуждении ислама и Франции. Насильственное и болезненное разделение, порождающее различные воспоминания и нарративы, оставило глубокие следы как в французском, так и в алжирском обществе, и оказывает влияние на отношения между двумя странами и французское отношение к исламу в настоящее время. Французские колониальные власти были не единственными, кто редуцировал и манипулировал исламом в политических целях; Алжирский фронт национального освобождения (FLN) использовал ислам как объединяющую идентичность, доходя до угроз в адрес владельцев кафе и ресторанов в Париже, которые открывались в дневное время в месяц Рамадан. FLN стремился искоренить «народные» проявления благочестия, которые он считал немусульманскими (например, посещение могил суфийских святых и преобладание суфийских орденов), и навязать свою модель очищенного ислама, служившую делу национального освобождения Алжира.

Ислам во Франции или французский ислам?**Французские мусульмане и лаицизм.****(1962-2016)**

Этот контекст параллельных историй французского колониализма и лаицизма имеет решающее значение для понимания более поздних и текущих дебатов во Франции. Те, кто рассматривает, например, законы против хиджаба как простое проявление расизма или исламофобии, не понимают глубокого исторического недоверия к публичным проявлениям религии: враждебность, традиционно направленная против Церкви и католиков, теперь часто направлена против ислама и мусульман. «Французским мусульманам нужно понять историю и логику этого глубокого двойного отношения, а для некоторых — и враждебности к религии во французской культуре, а не просто осуждать своих противников как расистов или исламофобов. Им нужно понять, как, например, хиджаб может восприниматься как символ подчинения женщин патриархальному порядку, как огромный шаг назад для женщин во французском обществе.

В то же время многие французы выбрали забыть болезненную историю колониализма. Идея расового, интеллектуального, культурного и религиозного превосходства европейцев в целом, а французов в частности, оставалась доминирующей на протяжении XIX и в начале XX века и до сих пор сохраняется среди крайне правых. Нам важно осознавать, что унижения и несправедливости колониального прошлого по-прежнему живы в памяти граждан бывших колоний, где они продолжают поддерживаться социальными и экономическими неравенствами. Кроме того, эти чувства всё ещё присутствуют среди иммигрантов и их потомков из бывших колоний, для которых оскорбления и дискриминация (реальные и мнимые) вызывают глубокое возмущение. Им важно понять, как хиджаб может быть носим с гордостью и дерзостью как символ непокорности, часто вопреки желаниям родителей, которых считают слишком робкими и уступчивыми.

С 1980-х годов хиджаб стал особенно заметным и разделяющим предметом дебатов. Однако были и другие вопросы: строительство мечетей, пятничные молитвы на улице и специальные обеды для мусульман (или евреев) в школьных столовых, например. Правые популисты во Франции, как и в других странах, манипулируют этими вопросами, предупреждая, что Европа на грани массовой исламизации, и что только националистические программы, утверждающие национальные идентичности, ограничивающие иммиграцию и борющиеся с различными воспринятыми формами культурной исламизации, могут спасти французскую культуру. Такие опасения не являются привилегией только правых радикалов. Многие французские секуляристы, которые приветствовали сокращение влияния религии в обществе Франции на протяжении двадцатого века, были обеспокоены возвращением религии в публичную сферу. Сегодня, как и с момента революции, вопрос лаицизма является предметом дебатов и разногласий. Жан Боберо описывает семь различных понятий лаицизма, существующих во Франции сегодня. Дебаты о секуляризме в французском обществе раньше касались влияния и власти католической церкви; всё чаще, начиная с 1980-х

годов, эти дебаты возвращаются вокруг ислама. Антрополог Майанти Фернандо утверждает, что многие французские политики и интеллектуалы предпочитают стигматизировать мусульман, обвиняя их в противоречиях, присущих лаицизму, вместо того чтобы признать недостатки французского секуляризма или хотя бы приветствовать дебаты о том, действительно ли нынешняя система отражает принципы нейтралитета и разделения, которые она якобы воплощает.

Освещенная дискуссия затруднена, отчасти потому, что практически невозможно точно определить, кто такой французский мусульманин и сколько их вообще существует. Это, конечно, аналогично касается и последователей других религий. Кто, например, может считаться католиком? Тот, кто был крещён в младенчестве? Человек, который ходит в церковь только на свадьбы, крещения и похороны, а возможно, и на рождественскую и пасхальную мессу? Тот, кто ходит на мессы каждое воскресенье? Или тот, кто просто определяет себя как католик? В зависимости от того, какие ответы считать приоритетными, католики во Франции составляют от 15 до 65 процентов населения (примерно от десяти до сорока пяти миллионов человек). Число французских мусульман, аналогично, варьируется от двух миллионов (тех, кто называет себя верующими и практикующими мусульманами) до шести миллионов: от 3 до 10 процентов французского населения. Более высокие цифры включают тех, кто считается, с разной степенью произвольности, «культурными» мусульманами. Мусульмане-иммигранты из стран с мусульманским большинством и их потомки, а также немусульмане, перешедшие в ислам, включая, например, христианских иммигрантов из Ливана или Сирии, или таких людей, как покойный франко-туниисский интеллектуал Абдельвахаб Меддеб, который называл себя «мусульманином-атеистом». Антрополог Джон Боумен использует (не вполне определённый) термин «социологические мусульмане» для обозначения некоторых людей, которые мало интересуются исламом как религией.

С 1960-х годов до середины 1980-х религиозная идентичность иммигрантов и их потомков обычно не акцентировалась. Их чаще всего называли «иммигрантами», «арабами», «магрибинцами», «африканцами» или «бурами». Это начало меняться после Исламской революции в Иране и роста политического ислама на международной арене. Напряженность по этим вопросам усилилась с началом террористической активности исламских экстремистов, особенно в 1990-х (нападения в Париже, совершенные Группой Исламского Вооруженного Отряда [GIA] на фоне гражданской войны в Алжире) и в последующие годы, когда нападения затронули города США и Европы, в частности Франции (в 2015 и 2016 годах). Платок стал ключевым символом конфликтов с 1989 года, когда три студентки были отстранены за отказ снять платки в лицее под Парижем. В ноябре 1989 года Государственный совет постановил, что использование платка как выражение полу-религиозной принадлежности совместимо с принципом лаицизма, который гарантирует индивидуальное право на проявление религии, если это не сопровождается попытками пропаганды или нарушением общественного порядка. В декабре того же года министр образования Лионель Жоспен выпустил заявление, в котором указал, что преподаватели несут ответственность за принятие решения о разрешении или запрете ношения платка в классе, рассматривая каждый случай

индивидуально. Это привело к ряду исключений студентов, многие из которых были оспорены в суде. В 2004 году Национальное собрание приняло закон о религиозных символах, который запретил ношение платков в государственных школах. Хотя в СМИ и среди законодателей часто изображают французских женщин в платках как подчинённых отцам, братьям, мужьям или имамам, социологические исследования показывают, что многие женщины носят платки по собственному выбору, часто вызывая противостояние или хотя бы дискомфорт у своей семьи. Некоторые, наоборот, воспринимают хиджаб как символ силы для молодых женщин, которые пытаются освободиться как от традиционной мужской власти в семье и клане, так и от мужского взгляда со стороны общества, создавая собственное пространство для интерпретации ислама, который не имеет централизованного руководства. Однако многие из этих женщин на самом деле ищут новые авторитеты — через исламские организации, семинары, мастер-классы или книги. Когда мусульмане во Франции требуют права носить хиджабы, получать еду без свинины в школьных столовых или брать выходной для празднования религиозных праздников, их требования часто воспринимаются как проявления коммунитаризма (термин с негативной коннотацией, обозначающий тех, кто, по мнению других, ставит интересы своей собственной общины выше универсальных ценностей Республики). Однако для многих французских мусульман это всего лишь требования равного обращения или, как некоторые из них выражаются, *droit à l'indifférence* (право на равнодушие). Поскольку шесть из десяти публичных праздников во Франции — католические, когда мусульмане (или евреи, или буддисты) требуют возможности праздновать свои собственные праздники, они просто просят об равном обращении со стороны якобы светского и нейтрального государства. Поскольку шесть из десяти публичных праздников во Франции — католические, когда мусульмане (или евреи, или буддисты) требуют возможности праздновать свои собственные праздники, они просто просят об равном обращении со стороны якобы светского и нейтрального государства. То, что часто называют «мусульманским сообществом» во Франции, на самом деле представляет собой крайне разнообразную группу людей с широким спектром верований, практик и обычаев. Среди практикующих мусульман недавние иммигранты обычно объединяются с соотечественниками, что привело к появлению мечетей, которые в значительной степени носят алжирский, марокканский, турецкий, сенегальский, коморский и другие характеры, и порой получают финансирование (и имамов) из родных стран. Другие французы-мусульмане придерживаются глобализированной салафитской версии ислама. Некоторые называют себя *citoyens français de confession musulmane* (французскими гражданами мусульманской веры), подчеркивают важность личного понимания религиозных текстов и доктрин и, в целом, поддерживают разнообразие практик, например, в вопросе ношения (или ненашения) хиджаба. Подтверждая свою двойную идентичность как французов и мусульман, они заявляют о своем законном месте в Республике, вновь утверждая ее основные ценности и подчеркивая, что ислам соответствует этим ценностям. В то же время они также маргинализируют других мусульман, традиционалистов своего родительского

поколения, а также салафитов, парадоксально одновременно оспаривая и укрепляя негативные стереотипы о мусульманах и их месте во французском обществе.

При взаимодействии с католиками государство может вести диалог с церковной иерархией (папой, епископами); для других религий такого привилегированного собеседника нет. Бонапарт создал консисторию как единственный официальный орган французских евреев; с 1905 года она утратила этот монополизм, но по-прежнему остается важным представителем французского иудаизма. Некоторые французские лидеры рассматривали ректора Парижской мечети как фактического представителя французских мусульман. Другие пытались создать специальные институты, призванные представить *islam français* или *islam de France* (французский ислам). В 1989 году министр внутренних дел Пьер Жокс учредил *Conseil d'Orientation et de Réflexion sur l'Islam de France* (CORIF) — Совет по ориентации и размышлениям об исламе во Франции, который включал представителей различных мусульманских сообществ страны. При президенте Саркози французское правительство учредило Conseil Français du Culte Musulman (CFCM) — Французский совет мусульманского культа, который должен был стать представительным органом французского ислама и главным посредником в диалоге с государством. Однако CFCM подвергался критике по разным причинам: одни утверждали, что он способствует *communautarisme* (общинному замкнутости) вопреки принципам *laïcité*, другие считали, что он не отражает интересы всех французских мусульман. В 2005 году правительство премьер-министра Доминика де Вильпена создало Fondation des œuvres de l'islam de France (FOIF) — Фонд исламских проектов Франции. Его целью было финансирование строительства мечетей, обучение и содержание имамов в условиях, когда многие опасались влияния зарубежного финансирования. Французские правительства на протяжении многих лет колебались между принципом строгого разделения государства и религии и стремлением формировать и влиять на французский ислам. С одной стороны, они придерживаются политики отказа от государственного финансирования религиозных объектов, с другой — пытаются выделять средства, чтобы ослабить влияние зарубежных спонсоров. Между желанием создать единый *Islam de France* (французский ислам) и стремлением признать и подчеркнуть культурное разнообразие мусульман Франции, власти оказываются в постоянном поиске баланса.

Недавние события показали, что французские политики по-разному трактуют лаицизм, и эти разногласия особенно ярко проявляются в спорах о символическом выражении ислама. Показательный пример — запрет буркини летом 2016 года: некоторые политики, включая премьер-министра Мануэля Вальса, считали, что лаицизм обязывает мусульманок избегать одежды, подчеркивающей их религиозную принадлежность. Другие, например Жан-Луи Бьянко, глава *Observatoire de la laïcité* (Обсерватории светскости), утверждали, что этот принцип, напротив, защищает право граждан свободно выражать свои религиозные убеждения в общественном пространстве. Совет Государства постановил в августе, что запрет «наносит серьезный и явно незаконный удар по основным свободам, таким как свобода передвижения, свобода совести и личная свобода».

Вопросы ислама и laïcité вероятно останутся важными темами в президентской кампании 2017 года и в будущем. Важно, чтобы в публичной сфере и в СМИ отношение к этому вопросу было чувствительным к его истории и сложности. Только через отказ от упрощений — которые служат интересам радикальных элементов в обществе — можно достичь удовлетворительного решения.